

12+

Александр Мгин

*Тогыз кумалак:
Сказки о девяти
лунках*

Мир тогыз кумалака

Александр Игин

**Тогыз кумалак: Сказки о девяти
лунках. Мир тогыз кумалака**

«Издательские решения»

Игин А.

Тогыз кумалак: Сказки о девяти лунках. Мир тогыз кумалака /
А. Игин — «Издательские решения»,

Тогыз кумалак — не просто игра. Это разговор земли и неба, воды и памяти. Шесть сказок о духах степи: Жезтырнаке, Мыстан кемпир, аруахах, пери и Су анасы. Они не монстры — они соседи. Они ждут, когда кто-нибудь сыграет. Не чтобы выиграть. Чтобы вспомнить. Вода ушла, но может вернуться. Память жива, пока стучат кумалаки. Для детей и взрослых, которые слышат зов степи. Девять лунок. Девять кумалаков. Девять миров. Сказки для тех, кто помнит.

© Игин А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие. Степь, которая помнит	6
Девять лунок, полных воды	8
Глава первая. Девять лунок, из которых пахло водой	8
Глава вторая. Жезтырнак у высохшего арыка	10
Глава третья. Мыстан кемпир и имена	11
Глава четвёртая. Аруахи и пери	12
Глава пятая. Дорога	13
Глава шестая. Ермек, который не верил	14
Глава седьмая. Айгерим, которая говорила с ветром	15
Глава восьмая. Старик, который забыл своё имя	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Тогыз кумалак: Сказки о девяти лунках

Мир тогыз кумалака

Александр Игин

© Александр Игин, 2026

ISBN 978-5-0071-3883-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие. Степь, которая помнит

1

Есть тишина, которая звенит. Есть тишина, которая давит. А есть тишина степи — она не пустая. Она полная. Полная тем, что было. Тем, что забыли. Тем, что ждёт.

Я вырос с этой тишиной. Не в степи — в городе, среди бетона и проводов. Но степь была рядом. В бабушкиных словах. В запахе чая. В старых фотографиях, где люди смотрят серьёзно, будто знают что-то, чего не знаю я. Я спрашивал: «Бабушка, а что это за игра?» Она отвечала: «Тогыз кумалак». Девять лунок. Девять кумалаков. Девять миров. Я не понимал. Я был ребёнком. Я хотел играть в футбол.

Потом бабушка умерла. Потом умерли старики, которые помнили. Потом умерла тишина. Осталась пустота. Я вырос. Я начал искать. Не игру. Игру найти легко. Правила есть в интернете. Комбинации — в учебниках. Турниры — в новостях. Я искал другое. Я искал то, что вокруг игры. То, что делает её не спортом, а жизнью. То, что делает кумалаки не камешками, а памятью.

И я не нашёл.

Я нашёл ходы. Нашёл схемы. Нашёл «девяносто девять комбинаций». Но не нашёл ни одной сказки. Ни одной пословицы. Ни одной притчи. Ни одного духа. Ни одной боли. Ни одной воды. Тогыз кумалак стоял посреди степи, как сухой арык. Вода была. Но она не шла. Она стояла. Тёмная. Тихая. Как глаз, который не мигает.

2

Тогда я начал писать. Не учебник. Не энциклопедию. Не сборник задач. Я начал писать сказки. Потому что сказка — это не выдумка. Сказка — это память, которая нашла форму. Сказка — это вода, которая нашла трещину. Сказка — это игра, которая нашла игрока.

Я написал «Девять лунок, полных воды» — сказку об Асане, мальчике, который разбудил воду, прошёл через Жезтырнака, Мыстан кемпир, аруахов, пери и Су анасы, вырос, стал учителем и научил степь помнить.

Я написал о Жезтырнаке. О девочке, которая ждала так долго, что её ногти стали медными. О той, кто считает капли, которых нет. О той, кто не крадёт детей, а хранит их, пока память не вернётся. Жезтырнак — это не монстр. Это одиночество. Это степь, которая ждёт, когда кто-нибудь вспомнит.

Я написал о Мыстан кемпир. О девочке, которая играла лучше всех и не заметила, как съела своё имя. О той, кто ест имена, чтобы заполнить пустоту. О той, кто не злая, а пустая. Мыстан кемпир — это не ведьма. Это забытьё. Это народ, который уехал в город и забыл дорогу назад.

Я написал об аруахах. О стариках на холмах, которые смотрят. О тех, кто не призраки, а память. О тех, кто ждёт, когда кто-нибудь сыграет. Аруахи — это не духи. Это предки. Это мы, которые были до. Это мы, которые будем после.

Я написал о пери. О тех, кто поёт без слов. О тех, кто не говорит, потому что слова — это имена, а имена — это боль. О тех, кто приходит, когда пахнет весной. Пери — это не феи. Это свет. Это песня. Это жизнь, которая не хочет умирать.

Я написал о Су анасы. О матери воды. О женщине, которая потеряла девять сыновей и стала водой. О той, кто считает сыновей, а не имена. О той, кто ждёт, когда кто-нибудь назовёт их. Су анасы — это не богиня. Это мать. Это боль. Это вода, которая помнит.

3

Шесть сказок. Шесть духов. Шесть болей. Но это не шесть разных историй. Это одна история. История степи, которая помнит. История игры, которая живёт. История народа, который забыл, но может вспомнить.

Я не писал «казахские сказки». Я писал сказки о степи. О воде. О памяти. О игре. О тех, кто рядом. О тех, кто смотрит. О тех, кто ждёт. Я писал их на русском языке. Не потому, что забыл казахский. А потому, что хочу, чтобы их читали все. Чтобы вода шла не только по казахским арыкам. Чтобы память жила не только в казахских сердцах. Чтобы игра стучала не только в казахских руках.

Тогыз кумалак — это не казахская игра. Это степная игра. Это игра кочевников. Это игра всех, кто жил у воды. Всех, кто играл у арыка. Всех, кто помнил. Всех, кто забыл.

4

Я не знаю, понравятся ли вам эти сказки. Они не весёлые. В них нет принцев и принцесс. Нет счастливых концов. В них есть боль. Есть одиночество. Есть смерть. Есть вода, которая уходит. Есть память, которая умирает. Есть игра, которая застывает.

Но в них есть и другое. Есть мальчик, который садится у арыка. Есть девочка, которая говорит с ветром. Есть старик, который вспоминает имя. Есть кумалак, который теплеет в руке. Есть вода, которая возвращается. Есть память, которая оживает. Есть игра, которая продолжается.

Это не сказки для детей. Это сказки для всех, кто был ребёнком. Для всех, кто помнит. Для всех, кто хочет помнить. Для всех, кто ищет воду в сухой степи. Для всех, кто ищет память в пустом мире. Для всех, кто ищет игру в серьёзной жизни.

5

Я не учитель. Я не пророк. Я не хранитель. Я просто человек, который помнит. Который пишет. Который играет. Который ждёт. Я написал эти сказки не потому, что знаю истину. А потому, что ищу её. Вместе с вами. Вместе с Асаном. Вместе с Айгерим. Вместе с Аружан. Вместе с Жезтырнаком. Вместе с Мыстан кемпир. Вместе с аруахами. Вместе с пери. Вместе с Су анасы.

Я написал их, потому что тишина степи — не пустая. Она полная. Полная тем, что было. Тем, что забыли. Тем, что ждёт. И если хоть один человек, прочитав эти сказки, сядет у арыка. Достанет доску. Положит кумалаки. Сыграет. Не чтобы выиграть. Чтобы вспомнить. Тогда я сделал не напрасно.

6

Сказки не заканчиваются. Они идут, как вода. Как арык. Как степь. Как жизнь. Вы прочитаете последнюю страницу. Закроете книгу. Но вода останется. Память останется. Игра останется. В вас. В ваших руках. В ваших детях. В вашей степи.

Не забывайте. Помните. Играйте.

Саша Игин

Аул, которого нет на карте

Год, который никто не считает

Девять лунок, полных воды

Глава первая. Девять лунок, из которых пахло водой

В тот год арык умер. Он лежал за аулом, как высохшая кишка, и ветер пересыпал по нему белую соль. Асану было десять. Он знал: воду увели. Не тракторы, не трубы, не люди в чёрных машинах. Увели тихо, по-старому, — так бабушка Айша говорила. У воды есть память, а у памяти — девять лунок. Если положить в них кумалаки и сыграть, как играли предки, вода вспомнит дорогу домой.

Бабушка достала старую доску. Она пахла верблюжьей шерстью и пылью. Девять лунок с одной стороны, девять с другой, а по краям — два казана, как два высохших глаза. Кумалаки были не камешки. Это были тёмные, гладкие шарики, похожие на овечьи катышки, только твёрдые, как косточки абрикоса. Бабушка сказала:

— Каждый кумалак — капля дождя, которую кто-то не донёс до неба. Играй — и они вспомнят, откуда пришли.

Асан сел на кошму. Степь дышала жаром. Где-то вдалеке гудела линия электропередачи, и в телефоне у отца, который уехал в город, играла чужая музыка. Но здесь, в тени старого карагача, было тихо. Только кузнечики и ветер.

Он сделал первый ход. Кумалаки застучали по дереву — тук, тук, тук. И вдруг из первой лунки пахнуло водой. Не пылью, не песком. Мокрой землёй, тиной, дождём. Асан замер. В лунке блеснула капля. Она дрожала, как глаз. Потом вторая. Третья.

— Не останавливайся, — сказала бабушка. Голос у неё был не свой. Как будто из-под земли.

Асан продолжил. Он сеял кумалаки, как сеют просо. Он шёл по кругу, как идёт вода по арыку. И чем дольше он играл, тем сильнее пахло водой. Земля под доской потемнела. Из трещины выползла струйка. Она была тонкая, как нитка, но живая.

Тогда за спиной кто-то засмеялся. Не бабушка. Не ветер. Смех был мокрый, как жаба. Асан обернулся. На краю двора стояла женщина. Лицо у неё было красивое, но глаза — как у рыбы, без век. Волосы текли вниз, хотя дождя не было. Албасты. Она пришла на запах воды.

— Мальчик, — сказала она. — Зачем ты будишь то, что спало? Вода ушла, потому что люди забыли играть. А кто забыл игру, тот забыл дорогу. Отдай мне кумалаки, и я оставлю вам лужицу. Будете пить по утрам.

Асан сжал кумалаки в кулаке. Они были тёплые, как яйца в гнезде. Бабушка шепнула:

— Не отдавай. Играй. Тогыз кумалак — не игра. Это разговор. Земля спрашивает, небо отвечает, а вода слушает.

Он сделал ход. Потом ещё. Албасты зашипела. Её красота потекла, как воск. Из-под ногтей полезли медные когти. Но Асан не смотрел на неё. Он смотрел на лунки. В них уже стояла вода. Маленькие озёра. Девять лунок. Девять миров. Девять капель, которые вспомнили небо.

Арык за аулом вздохнул. Сначала тихо, потом громче. И по его высохшему руслу пошла тёмная полоса. Вода. Настоящая. Она пахла степью и детством.

Албасты закричала. Но её крик утонул в шуме воды. Она стала прозрачной, потом — просто мокрым пятном на пыли. Бабушка обвела воздух рукой по кругу — не крестом, а кругом, как солнце. И сказала:

— Вот так. Играй, внук. Пока играешь, степь жива.

Вечером Асан спросил:

— Бабушка, а это была сказка?

Она посмотрела на арык, где плескалась вода, и ответила:

— Не знаю, внук. Но кумалаки до сих пор мокрые.

Глава вторая. Жезтырнак у высохшего арыка

На следующее утро арык ещё тек. Вода шла тонкой струйкой, но шла. Асан вывел овец пастись у старой водокачки, где когда-то была колхозная ферма, а теперь торчали ржавые трубы и росла полынь. Он взял с собой доску. Бабушка сказала: «Не оставляй её без присмотра. Она теперь помнит дорогу. Кто-нибудь может украсть память».

У водокачки сидела девочка. Лет двенадцати. Босая, в залатанном платье, с лицом, вымазанным сажей. Она играла в кумалаки — сама с собой. Но доска у неё была не деревянная. Она была вырезана прямо на земле. Девять лунок с одной стороны, девять с другой. И кумалаки были не камешки. Они были из глины, обожжённые на солнце, ещё тёплые.

Асан подошёл. Девочка подняла голову. Глаза у неё были жёлтые, как у ястреба. Ногти на руках — длинные, медного цвета. Жезтырнак. В ауле говорили: она живёт у воды, крадёт детей, если те забыли дорогу домой. Но бабушка Айша говорила другое: «Жезтырнак не крадёт. Она забирает тех, кого никто не ищет. Она — как арык. Если ты не помнишь, откуда ты, она тебя уносит. Но если помнишь — она тебя кормит».

— Ты кто? — спросил Асан.

— Я — та, кто считает капли, — сказала девочка. — Ты вчера разбудил воду. Теперь она идёт. Но она может уйти снова. Ты знаешь, почему?

— Нет.

— Потому что вы, люди, играете неправильно. Вы играете, чтобы выиграть. А надо играть, чтобы вспомнить.

Она протянула ему глиняный кумалак. Он был тёплый. На нём был отпечаток пальца. Маленький, детский.

— Чей это? — спросил Асан.

— Мой, — сказала Жезтырнак. — Когда-то я была девочкой. Я жила в ауле. Я играла в тогыз кумалак с отцом. Но пришла вода, и все уехали. Меня забыли. Я осталась у арыка. Я ждала. И стала той, кто ждёт.

Асан сел рядом. Он не боялся. Он почему-то чувствовал, что она не врёт.

— Хочешь, сыграем? — спросил он.

— Хочу, — сказала она. — Но если ты проиграешь, ты останешься здесь. Будешь считать капли вместе со мной.

— А если выиграю?

— Тогда я расскажу тебе, где спрятана вторая доска. Ту, на которой играли боги. И ты сможешь вернуть воду не только в свой арык, но и в другие.

Они сели друг напротив друга. Земля под ними была тёплая, как ладонь. Кумалаки стучали — тук, тук, тук. Жезтырнак играла быстро, как ветер. Асан — медленно, как вода. Он думал о бабушке. О степи. О том, что вода — это не просто вода. Это память.

Он выиграл. На одно очко. Жезтырнак улыбнулась. Улыбка у неё была печальная, как у человека, который давно не видел солнца.

— Ты помнишь, — сказала она. — Это хорошо. Вторая доска — у Мыстан кемпир. Она живёт за старым кладбищем. Она слепа, но видит руками. Она старая, как степь. И она голодная. Она ест имена. Если назовёшь своё имя — она его съест. Если назовёшь чужое — она отдаст тебе то, что ты ищешь.

Она встала. Ногти её блеснули на солнце.

— Иди. Но помни: у воды есть память. А у памяти — девять лунок. Не все они твои.

Она ушла в степь. Асан посмотрел на землю. На том месте, где она сидела, остались девять глиняных кумалаков. И каждый был тёплый. Как будто кто-то только что держал их в кулаке.

Глава третья. Мыстан кемпир и имена

Старое кладбище было недалеко от аула. Там стояли камни без надписей, потому что имена стёрлись. Бабушка говорила: «Когда забываешь имя, забываешь человека. А когда забываешь человека — забываешь дорогу. Вот почему мы уходим в город и не возвращаемся».

Асан пришёл на кладбище перед закатом. Солнце было красное, как кумалак. Ветер пах полынью и дымом. У самой старой могилы сидела женщина. Спина у неё была согнута, как вопросительный знак. Лицо — как печёное яблоко. Глаза закрыты. Но руки — длинные, сухие, с ногтями, как у Жезтырнака, только чёрными — шарили по земле. Мыстан кемпир.

— Кто здесь? — спросила она. Голос был как скрип несмазанной телеги. — Пахнет мальчиком. Пахнет водой. Пахнет надеждой. Надежда — это хорошо. Надежду я ещё не ела.

— Я Асан, — сказал он. И тут же вспомнил: нельзя называть своё имя. Но было поздно. Мыстан кемпир засмеялась. Смех был как кашель.

— Асан, — повторила она. — Хорошее имя. Означает «здоровый». Но ты не здоров. Ты болен. Ты хочешь вернуть воду. Ты хочешь вернуть игру. Ты хочешь вернуть то, что было до тебя. Это болезнь. Все люди больны этим.

Она протянула руку. На ладони лежал кумалак. Чёрный, как глаз.

— Это твоё имя, — сказала она. — Я его съела. Теперь ты — никто. Но я могу вернуть его. Если ты сыграешь со мной. И выиграешь.

— А если проиграю?

— Тогда я съем твою память. Ты забудешь бабушку. Забудешь отца. Забудешь степь. Будешь жить в городе. Будешь смотреть в телефон. Будешь думать, что так и надо.

Асан сел напротив неё. Земля была холодная. Кумалаки на доске — те, что дала Жезтырнак, — лежали, как маленькие луны. Мыстан кемпир играла вслепую. Но её пальцы находили лунки быстрее, чем глаза Асана. Она шептала имена. Чужие. Забытые. «Бекет». «Жамал». «Кайрат». «Айсулу». Каждое имя — как камень в воду. Круги расходились по земле.

Асан играл молча. Он думал о бабушке. О том, как она варит чай. О том, как отец звонит из города и говорит: «Сынок, скоро приеду». О том, как вода шла по арыку. Он не хотел выиграть. Он хотел вспомнить.

И он вспомнил. Не имя. Не слово. Запах. Запах мокрой шерсти. Запах дыма. Запах кумалаков. Он вспомнил, что игра — это не игра. Это разговор. И в этом разговоре нет победителей. Есть только те, кто слушает.

Он сделал последний ход. Кумалаки замерли. Мыстан кемпир открыла глаза. Они были белые, как молоко.

— Ты не выиграл, — сказала она. — Но ты и не проиграл. Ты вспомнил. Это редкость. Люди разучились вспоминать. Они только запоминают. Это разные вещи.

Она разжала кулак. На ладони лежал кумалак. Тёплый. Живой.

— Возьми. Это твоё имя. Я его не съела. Я его подержала. Оно было холодное. Теперь тёплое. Носи. И помни: за кладбищем есть холм. На холме — старая юрта. В юрте — вторая доска. Её охраняют аруахи. Они не злые. Они просто устали. Они ждут, когда кто-нибудь сыграет с ними. По-настоящему.

Она закрыла глаза. И стала камнем. Асан не удивился. Он взял кумалак. Он был тёплый, как ладонь.

Глава четвёртая. Аруахи и пери

За кладбищем был холм. На холме — юрта. Она была старая, серая, как степь зимой. Вокруг неё сидели люди. Старики в чапанах. Женщины в белых платках. Дети с босыми ногами. Они не двигались. Они смотрели в небо. Аруахи. Духи предков. Они не были призраками. Они были памятью. Той, которую никто не тревожил.

Асан подошёл. Никто не обернулся. Но один старик — с длинной бородой, в шапке из белого войлока — сказал:

— Мы ждали тебя. Не тебя именно. Мы ждали того, кто помнит. Садись.

Асан сел. В юрте было темно. Пахло овечьим молоком и старой кожей. В центре лежала доска. Она была каменная. На ней были вырезаны девять лунок с одной стороны, девять с другой. И кумалаки были не камешки. Они были из кости. Белые, гладкие, как зубы.

— Это доска богов, — сказал старик. — На ней играли, когда степь была молодой. Когда вода была везде. Когда люди и духи сидели за одним столом. Потом люди ушли. Духи остались. Игра застыла. Если ты сыграешь и выиграешь — игра оживёт. Вода вернётся. Не только в твой арык. Во все арыки. Во все степи.

— А если проиграю?

— Тогда мы уйдём. Навсегда. И степь станет пустой. Не мёртвой. Просто пустой. Как телефон без связи.

Асан посмотрел на доску. Кумалаки лежали ровно. Они ждали. Он взял первый. Он был холодный. Как лёд. Но в руке начал согреваться.

Он играл. Долго. Старики смотрели. Женщины молчали. Дети улыбались. И чем дольше он играл, тем светлее становилось в юрте. Свет шёл не от солнца. Он шёл от кумалаков. Каждый кумалак светился, как маленькая луна.

И тогда в юрту вошли пери. Они были не такие, как в сказках. Не красавицы в шёлках. Они были как ветер. Как запах весны. Как первый дождь. Они сели вокруг доски. Они не играли. Они пели. Песня была без слов. Но Асан понимал её. Она говорила: «Помни. Помни. Помни».

Он сделал последний ход. Кумалаки замерли. Свет стал ярким. Потом погас. В юрте стало темно. Но не страшно. Асан почувствовал, что кто-то взял его за руку. Это была Жезтырнак. Она улыбалась.

— Ты выиграл, — сказала она. — Теперь вода пойдёт. Везде. Но это не конец. Это начало. Ты должен научить других. Не игре. Памяти. Ты понял?

— Понял, — сказал Асан.

Он вышел из юрты. Солнце садилось. Степь была золотая. Арык за аулом шумел. Вода шла. Настоящая. Много. Он побежал домой. Бабушка стояла у калитки. Она смотрела на воду и плакала. Но не от горя. От радости.

— Бабушка, — сказал Асан. — Я видел Жезтырнака. И Мыстан кемпир. И аруахов. И пери. Они не страшные. Они просто одинокие. Они ждут, когда мы вспомним.

Бабушка обняла его. Она пахла молоком и полыньёю.

— Ты не просто выиграл, — сказала она. — Ты вспомнил. Теперь ты — хранитель. Ты будешь рассказывать. Будешь играть. Будешь помнить. И вода не уйдёт. Пока есть хоть один, кто помнит.

Вечером Асан сидел у арыка. Вода шумела. Кумалаки лежали в кармане. Тёплые. Он смотрел на небо. Там зажглись звёзды. Девять звёзд. Как девять лунок. Он улыбнулся.

— Я расскажу, — сказал он. — Всем.

Глава пятая. Дорога

Асану было двадцать восемь. Он ездил на старой «Ниве», которую купил на деньги от продажи первой книги. Книга называлась «Девять лунок, полных воды». Её почти никто не читал. Но это было неважно. Важно было то, что в каждом ауле, куда он приезжал, находился хотя бы один ребёнок, который слышал запах воды, когда кумалаки стучали по дереву.

Он возил с собой доску. Не каменную — ту оставили в юрте на холме. Деревянную. Старую. Бабушка Айша умерла, когда ему было семнадцать. Перед смертью она сказала: «Не продавай доску. Не оцифровывай. Не ставь в музей. Играй. Пока играешь — я жива». Он похоронил её на старом кладбище, рядом с камнями без имён. Мыстан кемпир, говорят, приходила на её могилу. Но никто не видел.

Асан ехал по степи. Весной степь была зелёная, как кумалак из малахита. Летом — жёлтая, как кость. Осенью — серая, как войлок. Зимой — белая, как молоко. Он знал каждую дорогу. Каждый арык. Каждый аул. Он приезжал, ставил доску на землю и говорил:

— Я не буду учить вас правилам. Правила вы можете найти в интернете. Я буду учить вас помнить. Кто помнит — тот играет. Кто играет — тот жив.

Дети смеялись. Взрослые качали головами. Но некоторые оставались. И играли. И вода в их арыках шла быстрее.

Глава шестая. Ермек, который не верил

В ауле Карасу, где арык пересох три года назад, жил мальчик Ермек. Ему было одиннадцать. Он не верил ни в Жезтырнака, ни в Мыстан кемпир, ни в аруахов. Он верил в телефон. В игры. В тиктоки. Он говорил:

— Все эти ваши духи — сказки для стариков. Вода ушла, потому что трубу прорвало. А трубу прорвало, потому что денег нет. Вот и всё.

Асан приехал в Карасу осенью. Ветер гнал пыль по улицам. Дети сидели дома, уткнувшись в экраны. Асан поставил доску у старого клуба. Никто не вышел. Кроме Ермека. Он стоял в стороне, руки в карманах, наушники на шее.

— Чего приехал? — спросил он. — Воду ищешь? Её нет. И не будет.

Асан сел на корточки. Он достал кумалаки. Они были тёплые.

— Сядь, — сказал он. — Сыграем.

— Не хочу.

— А ты не играй. Ты просто смотри.

Ермек сел. Асан начал раскладывать кумалаки. По девять в каждую лунку. Медленно. Как сеют просо. Как идёт вода. Ермек смотрел. Сначала скептически. Потом — просто смотрел. Кумалаки стучали. Тук. Тук. Тук. И вдруг из-под доски выползла струйка. Тонкая, как нитка. Ермек отшатнулся.

— Это фокус, — сказал он. — Ты спрятал бутылку.

— Нет, — сказал Асан. — Это память. Земля помнит воду. Она просто ждёт, когда кто-нибудь напомним.

Ермек не поверил. Но на следующий день пришёл снова. И сел играть. Он играл плохо. Проигрывал. Злился. Но приходил. Потому что струйка становилась шире. Потому что земля под доской темнела. Потому что он начал чувствовать запах — мокрой шерсти, дыма, полыни. Тот самый запах, который Асан называл «запахом памяти».

Через неделю Ермек спросил:

— А кто такие аруахи?

Асан улыбнулся.

— Это те, кто помнит. Они не призраки. Они — как эхо. Ты кричишь в степь — они отвечают. Ты играешь — они смотрят. Они не мешают. Они ждут.

— Чего ждут?

— Чтобы ты вспомнил. Не имя. Не слово. Себя. Настоящего. Того, кто был до телефона. До города. До страха.

Ермек замолчал. Потом сказал:

— Я не помню себя. Я помню только, как отец уехал. И как мама плакала. И как арык умер. Всё.

— Это уже память, — сказал Асан. — Значит, ты живой. Мёртвые не помнят ничего. Даже боли.

Глава седьмая. Айгерим, которая говорила с ветром

В ауле Жанаталап жила девочка Айгерим. Ей было девять. Она была странная. Говорила с ветром. Ветер отвечал. Люди думали — больная. Мать водила её к врачам. Врачи говорили: «Здорова. Просто фантазёрка». Но Айгерим не фантазировала. Она слышала. Ветер говорил с ней на языке, который она понимала. Он рассказывал ей о том, что было раньше. О том, как вода шла по арыкам. О том, как люди играли в тогуз кумалак. О том, как пери спускались с неба и садились рядом.

Когда Асан приехал в Жанаталап, Айгерим уже ждала его. Она стояла у дороги. Босая. Ветер трепал её волосы.

— Ты — тот, кто помнит, — сказала она. — Ветер сказал мне. Он сказал: «Придёт человек с доской. Он научит тебя играть. Не чтобы выиграть. Чтобы услышать».

Асан удивился. Но не сильно. Он уже привык к тому, что степь говорит. Он достал доску. Они сели у арыка. Арык был сухой. Но земля под ним была тёплая. Айгерим взяла кумалак. Она держала его, как держат птицу. Осторожно. Потом положила в лунку.

— Ветер говорит, что в этой лунке жила Су анасы, — сказала она. — Мать воды. Она ушла, когда люди перестали играть. Но она оставила след. Если сыграть правильно — она вернётся.

— А как правильно? — спросил Асан.

— Не для себя, — сказала Айгерим. — Для других. Вода приходит, когда её ждут не для себя. А для всех.

Они играли. Айгерим говорила с ветром. Ветер отвечал. Кумалаки стучали. И вдруг из лунки пошёл пар. Тёплый. Влажный. Потом — капля. Потом — струя. Вода. Настоящая. Айгерим засмеялась. Ветер подхватил её смех и понёс по степи.

— Су анасы вернулась, — сказала она. — Она в воде. Она будет здесь, пока мы помним.

Асан посмотрел на воду. В ней отражалось небо. И звёзды. Девять звёзд. Как девять лунок.

Глава восьмая. Старик, который забыл своё имя

В ауле Коктобе жил старик. Его звали дед Сагын. Но он забыл своё имя. Он сидел на лавочке у дома и смотрел в степь. Он не разговаривал. Он не ел. Он просто сидел. Внуки приносили ему чай. Он не пил. Врачи говорили: «Старческая деменция. Ничего не сделать». Но Асан знал: это не деменция. Это Мыстан кемпир. Она съела его имя. Не всё. Только часть. Ту, которая связывала его с прошлым.

Асан пришёл к деду Сагыну. Сел рядом. Достал доску. Положил кумалаки. Старик не смотрел. Асан начал играть. Сам с собой. Тук. Тук. Тук. Старик повернул голову. Медленно. Как будто из-под воды.

— Это... — сказал он. Голос был хриплый. — Это... игра... отца...

Асан кивнул. Он положил кумалак в лунку. Старик следил за его рукой. Потом сказал:

— Я... помню... запах... овец... и... дым...

— Это твоё имя, — сказал Асан. — Оно не ушло. Оно спряталось. В кумалаках. В лунках. В воде. Ты просто забыл, где искать.

Старик заплакал. Слёзы были тёплые. Как кумалаки. Он взял кумалак. Сжал в кулаке. И сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.